

Поп исповедник

Бывало крестьянин уехал в лес за дровами, приезжает с лесу, братец ты мой, домой под окно, а в фатеры в это время случился поп у хозяйки в гостях. Поп-то и говорит:

— Ах, дитё, муж у тебя приехал, — я у тебя.

А жена-то эта мужня отвечала:

— Ах ты, поп, муж на улице, а ты в фатеры, а ты ведь поп, — говорит.

— Ну и хорошо.

Мужик приходит в фатеру, а поп у стола сидит, а жена сейчас свернула с себя коко́ши, чепчик, да в углу и лежит, кричит, кверху раком.

Мужик приходит.

— Ну, здрасьвуй, батюшко, — говорит.

Поп и говорит:

— Здрасьвуй, дитё духовно, я пришел к тебе, мне ведом пришел, что жена твоя сделалась нездорова, так исповедать я пришел.

Он и говорит:

— Да, что, батюшко, зачастую она нездорова, так уж исповедуй, батюшко.

Ну, он исповедывать и начал, а муж обыкновенно стал дела свои справлять, из фатеры вон вышел. Ну, он там с делами справился, исповедь справил, ну, и кличет там:

— Микита али Андрей, дитё духовно, иди в фатеру, к жены.

Так мужик, видно, желанен был до жены и спрашивает у попа:

— Что, на первом слове не поняли, что оживёт али помрёт?

Поп на ответственность держит мужику:

— Ай, дитё, если бы ты справил заповедь ей, так она и справилась, може быть: сходил бы ты в Турьсию за турьским маслом и помазал бы ей очи, она поправилась бы и хворить не стала бы больше.

Ну, уж муж был послушен, склал котомочку и полетел в Турьсию за турьским маслом. Ну, там далёко ль, близко ль шел дорогой — попадается ему нищий прохожий, калика, стрету идет с кережкой — стрету ему. Ну, у нищих, сам знаешь, с перьвым долгом раскланялся и «спаси, Господи, помилуй раба божия», а сам спрашивает его:

— Куда ты, кормилец, отправился?

А он говорит:

— Да вот, старичок, когда жена нездорова была, поп на исповеди был и послал меня за турьским маслом.

Этот старик и говорит ему:

— Кормилец, ворóтимся взад, не можем ли мы поправить жены дома?

Поворотились назад со стариком нищим и так, не доходя до своего селения, и старик приказал ему свалиться в кережку (*подстанки, дровёнки*) и в рядной мешок. Мужик и сел там, а старик нищий и поволок. Догнал до своего дома и давается к ночи у жоны его, а мужик в кережке завязан в мешке. У ней и поп всё в гостях аще, не уходил аще. Нищий давается к ночи, жона пустила к ночи нищего, а сам кережку в фатеры волокёт. Так хозяйка говорит:

— Старичок, старичок, ты клади кережку в сени.

А он наместо говорит:

— Где я, тут кережка моя.

Нищий зашел в фатеру, заволок кережку, поставил в двёрный уголок, а мужня жона сидит с попом, аще и угощаются, а нищий на лавку сел (*как, примерно, Семивон Иванович*), а поп-то говорит:

— А, попадья, поднеси-ко ему стаканчик винца, не знает ли он былинки какой ни сказать?

Старичку-то стаканчик поднесли, — он и крякнул, а поп говорит:

— Попадья, попадья, дай другой стакан, старик что-то разобрал, — дай другой!

Выпил старик как другой стакан и сидит на лавке. Поп говорит:

— А что, старичок, ты проходец, не знаешь ли какой ни былинки сказать, песенки спеть?

А он наместо и говорит:

— Нет, батюшко, пёрво вы, а потом попадья, — говорит, — впóсли и я.

Ну, и поп говорит:

— Попадья, попадья, так ты спой прежде меня, — говорит.

Ну, и попадья как с лавки выскочила и пошла по фатеры, как шальная, говорит:

— Жена безумного мужá выслала в Турьсию за турьским маслом, — говорит, — а сáма жена здорова и добра, — говорит, — а с попом и за столом, и ендомá и винá, — говорит (*полштофа стоит вина, так...*), и на лавку села значит: — Нунь, поп, и тебе.

А поп как скочит с лавки, как вдоль фатеры пошел вприсядку.

— Как шальная жена, — говорит, — и безумного мужá выслала в Турьсию, за турьским маслом, а сама жона здорова и добрá, с попом за столом и ендомá и вина, — говорит.

И спели, старичку и говорят:

— Нунь, старичок, ты пропой, мы пропели свои песни, а ты, — скаже, — нам укажи сво́ю, спой.

Ну, и старик говорит:

— Хорóша ваша песня, хорошá.

Ну, старик свою и запел наместо им:

— Ох ты слушай-ка, кережка, разумей-ка ты, мешок, не про тебя ли говорят, не про твою ли голову говорят? А я мешок развяжу, а безмен на гвозду, а ты отвись-ко попу, а остатки тому, хто с попом за столом.

Да и на лавку старик и сел. Поп-то говорит:

— Попадья, попадья, а дай-ка третий стаканчик ему, ащо споёт.

Ну, та повинуется ему. Он как третий стаканчик выпил, так уж опеть и заводит петь. Запел опеть и пошел по фатеры.

— Ох ты слушай-ка, кережка, а разумей-ка ты, мешок, не про тебя ли говорят, не про твою ли голову? А мешок развяжу, а как безмен на гвозду, а ты отвись-ка попу, а остатки тому, хто с попом за столом.

А он мешок как развязал, так мужик вглянул как: безмен на гвозду, а жена с попом за столом, так как тяпнул безмен, — а попа безменом! Попа безменом отвозил, отвозил, а остатки тому, хто с попом за столом. А поп — в двири.

*(Зап. в 1903 г. от Никиты Ивановича в д. Пурги Петрозаводского уезда
Олонецкой губ.)*

Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова / Изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина; Худож. Д. Шимилис. — М.: Ладомир, 1996.